

Андрей Расторгуев
Последствия хандры

сборник фантастических рассказов

Андрей Расторгуев
Последствия хандры

«Издательские решения»

Расторгуев А.

Последствия хандры / А. Расторгуев — «Издательские решения»,

Далёкий космос, инопланетные захватчики, иные миры, сверхъестественные существа и маги — всё в этой книге. А ещё история капитана Грея и Ассоль, какой она, возможно, была до того, как её приукрасил писатель Александр Грин.

Содержание

Последствия хандры	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Последствия хандры
сборник фантастических рассказов
Андрей Расторгуев

© Андрей Расторгуев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последствия хандры

Умирать легко

Со всей ответственностью заявляю – умирать легко.

Это я понял, когда по дороге к старому приятелю, с которым не виделся несколько лет и недавно договорился встретиться, мой автомобиль резко вильнул влево.

Я уже миновал белую табличку с надписью «Артёмовск» и въезжал на окраину этого небольшого городка, намереваясь проскочить его без каких-либо задержек.

Лето. Весь день моросил дождь. Сыро, прохладно, пасмурно.

Мокрый асфальт и нескончаемая вереница встречных машин сделали своё дело.

Среагировать я, конечно же, не успел. Мог только смотреть широко раскрытыми глазами на стремительно приближающиеся фары «ПАЗика». Укол страха перед столкновением, удар и... Всё исчезло, растворилось в темноте небытия, словно кто-то в небесной канцелярии взял и вырубил свет.

Ни боли, ни длинного тоннеля, ни мелькания картинок из разных периодов жизни – ничего, хотя бы отдалённо напоминающего те ощущения, что любят приплетать авторы всяких остросюжетных книжечек.

Потому, наверное, приходя в себя, подумал, что просто сплю, прижавшись к обочине, и мне пригрезился кошмар. А некто назойливый с чего-то вдруг решил непременно разбудить задремавшего водителя и тормозит за подбородок, приподнимая голову, безвольно падающую на грудь.

– Эй, приятель... Приятель, ты меня слышишь?..

Крепко же я уснул. Глаза открывать неохота. Да и разговаривать тоже.

Судя по голосу, будит меня мужик. Какого чёрта ему понадобилось? Ехал бы себе мимо...

– ...Ты живой?

И тут понимаю, что авария – никакой не сон, а самая, что ни на есть, реальность.

С трудом заставляю тяжеленные веки подняться, чтобы сквозь тёмный туман, клубящийся перед глазами, увидеть мой оживший кошмар.

Я по-прежнему на водительском сидении своей старенькой «шохи», узнать которую теперь возможно разве только по иконке Николая-угодника, однажды намертво приклеенной к торпеде на «Момент». Руль погнут, приборная панель перекошена, лобового стекла нет и в помине. Помятая крыша осела, едва не касаясь макушки. Куда-то делся капот. Вижу приподнятый двигатель со свёрнутым набок «воздуханом», из-под которого в совершенно безветренный воздух строго вверх тянется ровная струйка серого дыма.

«Сейчас рванёт», – первая мысль, что приходит в слабо соображающую голову.

– Ты как? В порядке?

Незнакомый мужик держит мои щёки в горячих ладонях, заглядывая в лицо. Вижу только его глаза, в которых плещется тревога.

Мне дурно. Мутит. Звуки едва продираются сквозь противный гул в ушах, будто не череп у меня, а большой церковный колокол, качающийся на звоннице. Во рту привкус крови. Болит прикушенный с боков язык.

Порываюсь вылезти. Мужик помогает. Встаю еле-еле.

Дымок от мотора, вроде, повалил сильнее. Пробую отойти от искорёженного автомобиля, но едва не падаю. Машина притягивает, словно магнит. Опираюсь руками о смятую крышу. Вернее – одной рукой. Левая почему-то не слушается.

Отступаю назад. Приходится идти вдоль помятого борта, чтобы не потерять опору и не упасть. Лишь бы подальше от мотора. Стукнутые мозги не соображают, что так я рискую куда сильнее, поскольку приближаюсь к бензобаку.

– Да погоди ты, – останавливает меня мужик.

Стою, стою... Сам чувствую, что уже не могу идти. Ноги ватные, шатает, равновесие держу с трудом.

Привалился спиной к машине. Вдыхаю глубоко, пытаюсь проветрить и собрать до кучи разлетающееся сознание.

Снаружи вид у машины ещё печальнее. Кажется, стала вдвое ниже. Измятая и счесанная крыша почти на уровне поясицы.

Кругом трава. Дорога проходит в стороне, метрах в ста, по вершине пологого склона. Выходит, я слетел с дороги? Удивительно, как ещё на колёсах остался.

Чего рука-то не двигается?

Осматриваю себя. Забрызганные спереди серой грязью джинсы и футболка утратили однотонный ярко-синий цвет. Но если они потемнели от ряби, то чёрная ветровка, наоборот, светлее стала. Пятна словно вплавлены в болоньевую ткань. Это что, на меня электролит выплеснулся?

Крови на себе не нахожу, если не считать, что периодически её сплёвываю, да кисти рук в мелких порезах от разлетевшегося стекла. Ага, ещё на голове ссадина кровоточит.

А вот с левой рукой явно что-то не так. В локте сгибаю, а поднять не могу. Неужели сломал?

Ощупываю плечо. Чувствую вздутие на ключице, домиком приподнявшее кожу. Плохо. Надо бы в больничку.

Меня снова замутило, сгустилась мгла, тяжёлым прессом сдавливая мозг.

Я отключился.

...Не знаю, сколько прошло времени. В себя приходил периодически, вдыхая резкий запах нашатыря. Мало что помню, пока меня сажали в «скорую» и куда-то везли. Более-менее очухался уже в приёмном покое, когда накладывали гипс, приматывая руку к телу, попутно задавая разные вопросы. Я что-то бормотал в ответ, обливаясь холодным потом, а врач всё записывал, записывал...

– ...Перелом второй трети левой ключички да сотрясеньице мозга, – монотонно бубнил доктор в снежно-белом халате и с такой же белой от седины кучерявой шевелюрой на голове.

Под халатом у горла виднелся ворот голубой рубахи, а снизу тёмные классические брюки, немного не достающие до чёрных, начищенных до зеркального блеска ботинок на шнурке. В сидячем положении штанины задирались чуть ли не до коленей, открывая взору не только светло-серые носки, сползшие к щиколоткам, но и тощие, поросшие закрученными седыми волосами голени. На худой шее болтался фонендоскоп, мембрана которого, судя по свисающей резиновой трубке, лежала в нагрудном кармане халата. Большие круглые очки, оседлавшие миниатюрный, тонкий нос, казались огромными в сравнении с худым лицом.

– Лёгонько отделались. Говорят, машинка ваша всмятку? А у вас, мил человек, один простенький переломчик. Не оскольчатый и даже без смещения. Ну, ещё ушибики разные. Мда... Если б головушкой не приложились, можно было и не госпитализировать. А так надо какое-то время в стационарчике полежать под наблюденьцем.

– Долго? – выдавливаю мучительно.

– Деньков десять, никак не меньше.

Куда мне деваться в незнакомом городе? К другу километров сорок не доехал. Позвонить не могу, поскольку мобильник вытряхнул из внутреннего кармана в виде мелких обломков. Симку, конечно, извлёк, но сейчас не до неё. Тут в себя бы прийти.

– Ложите, коли надо, – слабо машу здоровой рукой.

Врач тут же, словно только того и ждал, проворными пальцами выудил из общей стопки какой-то бланк и принялся торопливо его заполнять. Не поднимая кудрявой головы, сказал медсестре, которая уже зафиксировала конец бинта на моём теле:

– Клавдия Степановна, милая, позаботьтесь о коечке для больного.

«Милой» было под пятьдесят. Невысокая, слегка полноватая тётушка с добрым, открытым лицом. В молодости, наверное, была красоткой. Руки, что называется, на месте – вон как быстро приладила мне гипс и спеленала в считанные минуты. К накрахмаленному классическому халату, пахнущему лекарствами, она по старинке повязывала голову белой косынкой. На неё бы ещё красный крестшить, и я бы точно решил, что попал в беспокойное военное прошлое моей многострадальной Родины.

Клавдия Степановна всплеснула руками:

– Да куда ж я его положу, сердешного? Сами знаете, Михал Михалыч, все коридоры заставлены.

ММ, как я не замедлил окрестить про себя доктора, молчал до тех пор, пока не заполнил бланк. Поставив последний росчерк, аккуратно положил ручку на стол, сплёл пальцы и проницательно глянул сквозь линзы очков на медсестру.

– А в закуточке возле гардеробчика нашего?

– Мы ж туды сетки с матрасами сложили да щиты, что с терапии вчера перенесли. Сами бочком ходим, ежели запомнили.

– Я же распорядился убрать всё это в подсобочку, – нахмурил белесые брови ММ.

– И кто, скажите на милость, будет енто таскать? Мы с Наталкой?

– Привлеките выздоравливающих...

– Да их две калеки. И без ентого нам всё таскають. Загнутся болезные, кому отвечать-то потом, а? Мне али вам?

– Клавдия Степановна, – доктор слегка повысил голос. – Будьте любезны обеспечить больному койко-место. – Пожевав губами, добавил: – Пожалуйста, милочка...

Громко хмыкнув, медсестра вышла из приёмного покоя, стараясь сохранить независимый вид.

Пришлось её ждать, сидя в коридоре на жёсткой скамейке, с которой чуть не свалился, когда отошёл от укола, и мне снова поплохело.

Наконец, увидел долгожданную голову в косынке, выглянувшую в коридор.

– Пойдём, болезный...

Стационар

...Судя по табличке на входе, я попал в «Травматологическое отделение Центральной Городской Больницы г. Артёмовска». Разместилось оно в сильно вытянутом одноэтажном кирпичном здании с побелёнными стенами, которое окружал самый настоящий лес, приютивший в себе весь больничный городок.

Сквозь густо переплетённые ветви деревьев соседние корпуса почти неразличимы, но если постараться, то увидеть их можно. Это создавало впечатление, что мы одни одиёшеньки в огромной дремучей чаще. Впечатление портили периодически проезжающие по двору «скорые», и слышимый где-то вдали слабый, едва различимый шум города, живущего своей обыденной жизнью.

Не знаю, почему больница носила столь громкое название – «Центральная». Как потом выяснил, она единственная в городе. А если нет «периферийных», то и «центральной» быть не должно. Это же против логики. Верно?

Внутри травматологии длинный-предлинный коридор с несколькими переходами был сплошь заставлен кроватями вдоль обеих стен. Везде люди: забинтованные, в гипсе, на косты-

лях, с палочками. Большинство лежит или сидит, некоторые ходят, с трудом протискиваясь между кроватей. Двери палат распахнуты – жарко, несмотря на пасмурную погоду. Там тоже народа пруд пруди. В основном женщины или «неходячие». В воздухе стойкий аромат медикаментов, перемешанный с запахом поношенного белья и давно невымытых тел. Не больница, а какой-то прифронтовой лазарет в разгар боевых действий. Я и понятия не имел, что в одном месте одновременно можно собрать столько увечных.

Хотя, если подумать, чему тут удивляться? Место специфическое, специально предназначенное для таких вот целей.

Мы дошли до конца коридора и через остеклённую дверь попали в небольшой тесный закуток с одним окном и ещё двумя глухими дверями, запёртыми на навесные замки. Здесь стояло две кровати, уже застеленные. Одна у окна, другая в простенке. На обеих по комплекту пижам и паре вафельных полотенец, сложенных стопочкой.

Медсестра показала на кровать, что между дверями:

– Устраивайся, касатик. В пижаму переодеться сможешь, али подмогнуть?

– Смогу, – бурчу, злясь помимо воли.

Ещё не хватало, чтобы женщина меня раздевала. Хоть и медработник, а всё же... Ничего, сам как-нибудь управлюсь. Одна-то рука действует.

Понимаю, что Клавдия Степановна ничем не заслужила моего недовольства. Пытаясь загладить свою неоправданную грубость, примирительно спрашиваю, кивая в сторону окна:

– А та кровать свободна?

– Да уж занята. Пока енту кандейку разгребали, ещё одного болезного подвезли. Скоро приведут. Дохтур наш над ним сейчас колдует. Шибко много кровушки потерял. Ох, горе...

Качая головой, она поспешила выйти в коридор, предоставив меня самому себе.

Странно. Никакого «болезного» я в глаза не видел, хотя проторчал всё это время в приёмном покое. Куда ж его подевали? Мимо меня точно бы никто незамеченным не прошёл. Тем более окровавленный мужик с врачами со «скорой». На такую процессию трудно внимания не обратить.

Я аккуратно сел. Кровать была панцирная, поэтому боялся, что провиснет. Вопреки ожиданиям почувствовал твёрдую опору, которая даже не думала прогибаться. Когда приподнял край простыни, сразу понял в чём дело, разглядев деревянный щит под сложенными друг на друга двумя матрасами. Жестковато будет.

Вздыхнув, стал расстёгивать джинсы.

Никогда не пытались делать всё одной рукой? Попробуйте. У меня-то хоть правая. У некоторых она, вон, в гипсе, а то и обе сразу. Каково им, горемыкам безруким? Ни в туалет сходить по-человечески, ни нос почесать, не говоря уже о более сложных вещах...

Переоделся с горем пополам. Натянул пижамные штаны – серые в тонкую чёрную полоску. Рубаху той же расцветки просто накинул на голые плечи, продев здоровую руку в один рукав. Куртку с футболкой с меня сняли ещё на перевязке. Они теперь лежали в пакете за кроватью. Туда же отправились и джинсы с кроссовками.

«Вещи надобно в гардероб отнести», – вспомнились напутствия Клавдии Степановны по дороге сюда. Говорила она много, но слушал я вполуха и мало что запоминал. А ещё мы по ходу дела заглянули в процедурный кабинет, где заботливая медсестра скормила мне какую-то пилюлю. Не от неё ли так клонит в сон?

«Просушить бы одежду перед сдачей», – лениво шевельнулась в голове здравая мысль, когда я со всей предосторожностью лёг на спину. Глаза под смеженными веками наотрез отказались открываться, а бунтовать, вступая в борьбу со своим собственным организмом, не было ни сил, ни желания. Слишком уж много свалилось сегодня на мои хрупкие, как показала практика, плечи.

Шмотки подождут. Чай, не запретят за пару-тройку часов. А пока спать...

Другой доктор и Больничный

Меня разбудили негромкие голоса, один из которых я узнал.

– ...Ложимся, ложимся в коечку, – уговаривал кого-то Михал Михалыч.

Я лежал головой к выходу и расположенному рядом с ним окну, поэтому соседней кровати не видел. Повернуться, естественно, не мог. Оставалось лежать и слушать.

– Ммм, – простонал какой-то мужик и выдал вдруг хрипло: – Мне домой надо...

– Успеете, мил человек. Вот оклемаетесь у нас, тогда милости прошу. А пока, будьте любезны, в постельку. В таком состоянии вам домой ну никак не добратся.

Скрипнула кровать.

– Вот и ладушки. Отдыхайте...

Мягкие шаги в мою сторону. В поле зрения появляется курчавая голова доктора. ММ внимательно смотрит на меня сквозь круглые линзы очков. Сильно же он сдал за то короткое время, что мы не виделись. Волосы всклокочены, в глазах усталость, даже щетина много заметнее стала. Отросла, что ли? Нет, не может быть. Сколько я спал? Часа три от силы. На улице только-только начало смеркаться. Или это уже рассвет?

– Ну-с, как самочувствие, мил человек?

Михал Михалыч стоит надо мной в типичной позе врача, засунув обе руки в глубокие карманы халата. А я не могу оторвать взгляд от воротника его рубашки, пытаюсь сообразить, зачем он переоделся? Рубашка на нём розовая, а не голубая, как там, в приёмном покое.

– Который час? – вместо ответа выдало моё сиплое, не отошедшее ото сна горло.

– Половина девятого, – глянув на часы, любезно сообщил доктор. После короткой паузы добавил: – Вечера. Вас привезли сегодня днём. Так что там с вашим самочувствием? Головушка побаливает?

– Да... И плечо... – пытаюсь показать правой рукой на перелом, но поспешно роняю её на одеяло, чувствуя пронзительную боль теперь уже в правом плече. Словно гвоздь в него вбили. Аж в мозгу стрельнуло. Стиснув зубы, чтобы не застонать, выдавливаю: – Оба плеча болят... Ещё и грудь...

– Ну, а вы чего хотели? Авария, мил человек, дело не шуточное. Вас крепенько приложило со всех сторон. Мало кто после такого цел останется. Поэтому радуйтесь, что живёхоньки. А боль – она проходит.

Пощупав пульс, Михал Михалыч легонько побарабанил кончиками пальцев по гипсу, обозначив ободряющее похлопывание:

– Скоро поправитесь. Отдыхайте. Сон – лучшее лекарство.

Ага, если бы ещё ничего не болело. Ни на правый, ни на левый бок не повернуться, не говоря уже о том, чтобы на живот лечь. Так до утра на спине и провалился, постоянно просыпаясь от каждого неловкого движения.

Один раз проснулся посреди ночи от того, что меня гладят по ноге. Открыв глаза, в тусклом, пробивающемся в окно свете уличных фонарей увидел бородатого мужичка с забинтованной головой. Маленький (от силы метр), в больничной пижаме, он сидел на моей кровати, болтая ножками, не достающими до пола, и водил шершавой ладонью мне по голени.

– Ты чё, мужик? – шевельнув ногой, я скинул его руку.

Мужичёк повернул бородатое лицо, до этого обращённое к окну. Блеснули глубоко посаженные глаза. Послышался сочувственный вздох и шёпот:

– Э-хе-хех, милай, угораздило же тебя... И чего мимо Бармаглота поехал? Маешься теперича...

– Какого Бармаглота?..

Я попытался повесить голос, но бородач цыкнул, приложив пухлый палец к губам:

– Тс-с. Не буди соседа. Он только уснул. Его полночи Грызун, зараза, мучил.

– Что ещё за Грызун? – я уже решительно ничего не понимал.

– Обычный. Круглый, чёрный, лохматый, с когтями да клыками. Их нонче много развелось. Как Бармаглот пропал кудысь, так и плодятся, прям спасу нет.

Сильно же мужичка долбануло, раз Бармаглоты да Грызуны всякие мерещатся. Ещё и пристаёт, пользуясь темнотой и моей беспомощностью.

– А ты кто? – спрашиваю осторожно, чтобы не выдать своего раздражения.

– Знамо кто. Чепушило я. За порядком тут слежу. Нечисть разную навроде Грызунов спрашиваю да по хозяйству помогаю.

– Типа завхоз?

– Типа домовой. Или больничный, ежели точно. Тока домовой звучит лучше. Правда?

– Правда, – автоматически соглашаюсь, совсем обалдев от таких откровений.

– Ну, мне пора, – мужичок спрыгнул, и я отчётливо услышал приглушённое шлёпанье босых ног. – А то ещё кто притащит за собой Грызуна, гоняй его потом по всей травматологии...

Он пошлёпал к дверям и, не открывая их, вдруг исчез.

Я тут же уснул, а на утро был уверен, что бородатый мужичок мне приснился. Честно говоря, было совсем не до него. Мои рёбра и позвоночник рыдали горячими слезами. Казалось, я всем телом чувствовал их натужный скрип и тяжкие стоны при каждой попытке лечь на жёсткую постель, словно спина тоже стала деревянной.

Нет, так не годится. Дополнительные болячки мне ни к чему. С теми, что уже есть совладать бы. Надо было срочно что-то решать. И я, недолго думая, с самого утра пошёл к Михал Михалычу, пока у него не закончилось дежурство, или он не отправился на обход.

Милиционер

Мы столкнулись нос к носу в дверях ординаторской.

Почему-то показалось, что щетина у доктора стала короче, хоть и не исчезла совсем. Будто бы наскоро прошёлся электробритвой по скулам.

А рубашка под халатом опять голубая. Зачем так часто их менять?

– Вы что, мысли читаете? – удивлённо хмыкнул ММ и отступил, приглашая войти.

В ординаторской он был не один, а с милиционером.

Выглядел тот внушительно. Возраст немного за тридцать. Спортивная стрижка под бобрик. Крепкий детина с мышцами атлета. Бицепс едва помещался в коротком рукаве форменной рубашки, а толстая шея, казалось, не давала воротнику застегнуться. На широких плечах сиротливо ютились миниатюрные на вид капитанские погончики.

Милиционер сидел у письменного стола, мерно покачивая ногой, закинутой одна на другую, и шелестел бумагами в раскрытой папке. Фуражка лежала рядом, на столе, прижав лакированным козырьком чью-то историю болезни. Похоже, что мою.

– Вот и ваш потерпевший, – кивнул на меня доктор. – На ловца, как говорится, и зверь...

– Не возражаешь, Михалыч, если здесь, у тебя, побеседуем? – басок у служителя Фемиды оказался что надо: низкий и густой.

– Беседуйте, Лёша, беседуйте. Мне ваши разговоры не помеха.

ММ уселся за стол и придвинул к себе стопку с историями болезней. Взял верхнюю и принялся сосредоточенно листать.

Оценивающе посмотрев на меня, милиционер кивком показал на свободный стул:

– Присаживайтесь.

Дождался, когда я сяду, после чего продолжил:

– Разбираться по вашему ДТП поручено мне. Надо взять с вас объяснение. Вы как себя чувствуете? В состоянии отвечать на вопросы?

– Да. Спрашивайте.

Достав чистый лист, он закрыл папку, положил её на колено, а листок сверху. Вооружился ручкой и быстрым, убористым почерком вывел слово «Объяснение». Ниже слева поставил сегодняшнюю дату, а справа написал «г. Артёмовск», и пошёл строчить: «Дознаватель Артёмовского ГОВД к-н милиции Алёхин А. А. (Алексей Алёхин? Ну-ну... Не удивлюсь, если ещё и Алексеевич) в помещении травматологического отделения ЦРБ г. Артёмовска опросил гр-на...»

– Ваша фамилия, имя, отчество? – прервался дознаватель.

Можно подумать, он не в курсе. Наверняка успел досконально изучить мои данные. Впрочем, это ведь официальная беседа со строгим соблюдением всех формальностей. Что ж, будем следовать протоколу:

– Хайдаров Дмитрий Наильевич.

– Когда и где родились?

Сказал. Да, недавно справил сороковую годовщину. Говорят, опасный возраст. Может, потому со мной и авария приключилась.

– Живёте где?

Диктую адрес. Алёхин записывает, попутно спрашивая, какая нелёгкая занесла меня в их городок. Пришлось рассказать о старом друге, с которым так и не увиделся.

– Женаты?

Когда-то был, да не сложилось. Развёлся. Жена забрала восьмилетнюю дочь и уехала к своим родителям. С тех пор ничего не знаю о них. И повторно оступиться боюсь. Холостякую помаленьку. Наверное, так и помру бобылём.

– Где и кем работаете?

Нигде не работаю. Пенсионер. Чего удивляешься, капитан? Офицер запаса я. Получаю пенсию за выслугу лет и ветеранские. Не велики деньги, конечно, да только мне одному вполне хватает.

– Аварию помните?

– Смутно. Потерял сознание сразу при ударе.

– А перед этим?

– Звук такой... словно по бровке колесом прогрёб. Машину резко выбросило на встречу, прямо под автобус...

– С какой скоростью двигались?

– Километров восемьдесят... Может, девяносто.

– А «ПАЗик»?

– Хрен знает. Так же, наверно... Водила-то с автобуса цел?

– Только синяки. Это, кстати, он отправил вас на «скорой». Больше всего не повезло автобусу. Его с капиталки гнали. Можно сказать, краска ещё не обсохла. Пришлось вернуть в автомастерскую.

– А моя машина? Там, на трассе осталась?

– Нет. У нас на штрафстоянке. Правда, это уже не машина, а груда металлолома. Всё разбито, ни одной целой запчасты. По предварительному заключению эксперта у вас левое переднее колесо лопнуло. Потому и повело в сторону. Со слов свидетелей вы угодили правой фарой «ПАЗику» в лоб, машину развернуло, ударило багажником о борт, снова развернуло, только уже в обратку. Вы слетели с дороги и несколько раз перевернулись. Просто чудо, что выжили. Ремнём были пристёгнуты?

– Да. Я всегда пристёгиваюсь. Наверно, потому и уцелел...

– Ваш ремень, к сожалению, не выдержал. Замок сломался. Так что помотало вас изрядно. Говорю же – чудо. Иного объяснения у меня нет... Вот, прочтите.

За разговором дознаватель не переставал что-то записывать, пока не заполнил почти весь лист, который сейчас протягивал мне.

– Здесь, под текстом, напишите «с моих слов записано верно, мною прочитано» и распишитесь.

Делаю, что сказал капитан, удивляясь мимоходом, как это у него получается одновременно вести беседу и связно излагать всё на бумаге.

Все точки над «и»

– Ещё одна формальность, – Алёхин достал новый листок. – Необходимо написать заявление, что не имеете претензий к водителю «ПАЗа».

– Да какие могут быть претензии. Не он же в меня въехал.

– Вот об этом и напишите. Говорю же – формальность. А то в возбуждении уголовного дела я откажу, а прокуратура возьмёт, прицепится к какой-нибудь мелочи, да и отменит постановление.

– И что, придётся расследовать?

– Кого?

– Дело уголовное.

– Да какое там дело, – дознаватель махнул широкой ладонью. – Состав преступления по двести шестьдесят четвёртой здесь нет. В ДТП никто не пострадал. Разве только вы от собственных действий. С ущербом пускай страховые компании разбираются. В крайнем случае, через суд в гражданском порядке взыскивают. Просто без вашего заявления прокурор может возвратить материал на доработку. Придётся всё заново перелопачивать. А вы уедете, если в очередной раз повезёт, или ещё что случится, не дай бог. И будем воду в ступе толочь. Лишняя морока.

Слова капитана меня насторожили.

– Что значит «если повезёт»?

– А то и значит. Везунчик вы, Дмитрий Наильевич. В такой аварии уцелеть, это ж умудриться надо. Тот «ПАЗик» почему в капиталке-то был, знаете? Тоже перевернулся с месяц назад. На той же дороге, где с вами встретился. Только водитель тогда погиб. Автобус из ремонта уже другой водила забирал, чтобы в АТП отогнать. И нате вам...

Я лишь плечами пожал:

– Странное совпадение.

– Совпадением тут и не пахнет, мил человек, – встрял в разговор ММ, до того хранивший глубокомысленное молчание. – Это, попрошу заметить, закономерность. И произрастает она из вполне определённых корешков. Имеет первопричину, так сказать. Вы же видите, насколько переполнено наше отделение. Неужели думаете, подобное происходит постоянно? Смею вас заверить, что нет.

Мне стало тревожно. К чему они клонят? На что пытаются намекнуть?

– И в чём же, собственно, кроется причина? – рискую спросить напрямик.

– А причина в Бармаглоте, – не моргнув глазом, выдаёт Алёхин.

У меня вырывается короткий смешок, но капитан по-прежнему серьёзен. Перевожу взгляд на доктора. Тот смотрит пристально сквозь круглые очки. Ни на лице, ни в глазах нет и тени весёлости. Они точно тут все тронутые...

Вздыхнув, задаю вполне закономерный вопрос:

– Это кто?

И получаю ошеломляющий ответ ММ, произнесённый до одури спокойным, будничным тоном:

– Местный маг. Чародей. Волшебник, если хотите, присматривающий за нашим городком. Благодаря ему в Артёмовске до поры до времени царил тишь да гладь. Жизнь текла размеренно, благодушненько так. Вы только представьте, мил человек, люди, ни в чём не нуждаются, мирно соседствуют друг с дружкой и с нежитью. Русалочки плещутся в водоёмах, лешие присматривают за городским парком и сквериками, домовые с дворовыми следят за квартирами да за чистотой на улицах. Вурдалаки – те вообще работают здесь, при больничке, на станции переливания крови, да на скотобойне. Никто никого не трогает. Все самодостаточны в той или иной мере. Чуть шалют разные демоны, но их быстренько приструнивают, – кивок в сторону Алёхина.

– Да, – поддакнул тот. – Особых проблем с демонами никогда не было. Но в последнее время...

– С полгодика уж, – опять влез доктор. – О нашем Бармаглоте ни слуху, ни духу. Зато вокруг его поместья такое завертелось!..

– И медленно расплзается по городу... Того и гляди, скоро всё поглотит.

– Участились несчастные случаи. Самые безопасные местечки превращаются в смертельные ловушки. Нежить с ума сходит, бесчинствует...

– Про демонов я вообще молчу. Взбесились будто. Не проходит и дня без нападения на людей. А в камере их разве удержишь? Заговорённая клетка, и та не всегда помогает...

– Стоп, стоп, стоп! – я умоляюще приподнимаю с колена здоровую руку. В голове сплошное броуновское движение от излитого на меня ушата абсолютно невероятной информации. Они что, всерьёз?! Сердце испуганно дёргается в предчувствии чего-то чертовски неприятного. – Вы зачем это всё мне сейчас рассказываете?

Доктор с милиционером переглянулись.

– Говори ты, Лёшенька, – любезно позволил ММ и уткнулся в раскрытую историю болезни, напустив на себя вид очень занятого человека.

Алёхин прокашлялся, словно докладчик перед началом длинной лекции.

– Видите ли, Дмитрий Наильевич... Как я уже сказал, вы очень, просто невероятно везучи. К тому же, бывший офицер. А офицеры бывшими, как известно, не бывают...

– Ближе к телу, капитан, – перебиваю нетерпеливо.

«Ты мне присягу ещё припомни, агитатор хренов, или долг перед Отечеством».

За милиционера вступился ММ:

– Лёша хочет сказать, что в социуме действует закон равенства сил. Если вдруг одна чашечка весов становится тяжелее и тянет вниз, это приводит к созданию противовеса в другой чашечке.

– Иными словами, – Алёхин поспешил вернуть инициативу в свои руки, – вы появились не случайно, и просто обязаны нам помочь.

Во как! Я уже кому-то чем-то там обязан. Хрен вы угадали!

– С какой это стати? – бросаю с вызовом.

– А с такой, гражданин Хайдаров, что деваться вам некуда. Попав под воздействие усадьбы Бармаглота, вы оказались в западне, и выбраться из Артёмовска самостоятельно уже не сможете.

– Что, силой держать будете? – пристально вглядываюсь в лицо капитана, по старой привычке прищуривая левый глаз.

Алёхин вдруг снисходительно улыбнулся и с показным спокойствием сложил на груди огромные ручищи, мгновенно надувшиеся рельефными мышцами.

– Делать нам больше нечего. Сколько угодно можете пытаться уехать. Никто из нас палец о палец не ударит, чтобы остановить одного больного, ни во что не верящего придурка.

– Лёша, Лёша, – укоризненно покачал головой ММ. – Нельзя же так... Простите, Дим... Дмитрий. Нервишки у него пошаливают. Все мы нынче слегка на взводе. Ситуация, так сказать... Но Лёшенька прав – из города вам не уйти, уж поверьте. На вас ПЗП, то есть «Печать замкнутого пространства».

– Это как?

– А когда постоянно возвращаешься к той точке, из которой вышел или где получил Печать.

– Да-а-а? – я всё-таки не удержался от сарказма. – И где же, по-вашему, меня того... приложило Печатью этой?

Глаза доктора за стёклами очков оставались серьёзными.

– Напрасно иронизируете, мил человек. Вас приложило, как вы изволили выразиться, в месте аварии, недалеко от усадьбы Бармаглота. Она как раз там, на окраине городка стоит. Правда, с трассы её не видно. Вот туда, к лесному массивчику и будете постоянно выходить, сами того не замечая. Можете попробовать, если хотите...

Верить или нет

Из ординаторской я вышел злой, как собака. Попадись кто под горячую руку, загрыз бы, не задумываясь. Если всё, что сказали мне доктор с милиционером – правда, то ситуация очень хреновая. И самое противное, что я был склонен им верить. Особенно после того, как в коридоре мимо меня, приветливо кивнув, прошествовал небритый ММ с выглядывающим из халата розовым воротником. Это притом, что другой ММ, только в голубой рубашке, остался сидеть в ординаторской, мирно беседуя с Алёхиным.

Они дали мне время подумать и занялись обсуждением планов на ближайшее будущее. Капитан собирался заехать ещё в пару адресов и вернуться в ГОВД «разгрести дела», а доктор – сдать дежурство, прийти домой, умыться, переодеться, немного перекусить и снова топтать на смену. Просто какой-то трудоголик. Жаловался, что не справляется, вот и решил... Дальше я не совсем понял. ММ хотел помочь не кому-либо из коллег, а себе самому. По крайней мере, прозвучала такая фраза:

– ...Много чего не успел. Надо бы нагнать. Вернусь во вчерашнее дежурство. В четыре рученьки, глядишь, и управлюсь. Тем более, больные поговаривали, что видели меня там, где я и не был.

– Сам-то что, ни разу себя не встретил за смену? – удивлённо поднял брови Алёхин.

– Дважды в одну воду не войдёшь, Лёшенька. Данное утвержденье верно и для времени. Я-сегодняшний всегда буду находиться там, где нипочём не появлюсь Я-вчерашний. Это незыблемый закон, который разводит нас по разные стороны, не давая сталкиваться... Правда, не представляю какое воздействие окажет на него аномалия Бармаглота...

За разговором они совершенно перестали меня замечать. Чувствуя себя если не пустым местом, то уж точно человеком-невидимкой, я встал и вышел молчком, совершенно забыв пожаловаться на жёсткую кровать и больную спину, ради чего, собственно, сюда и направлялся.

– Ну, как? – услышал, всё ещё стоя возле ординаторской.

Повернулся на голос. На придвинутой вплотную к стене кровати лежал незнакомый мужик. В пижаме наподобие моей, только более ношенной да сильно измятой. На голове повязка в форме каски полностью скрыла волосы. Один виток бинта для надёжности охватывал щетинистый подбородок. Остальное – руки, ноги – вроде бы целы.

– Чего мент? Сильно донимал? – уточнил мужик свой вопрос.

– Да ну его, – машу рукой сгоряча.

– Оборотень, – понимающе вздохнул мужик и отвернулся к стенке, подкладывая согнутую руку под голову.

– В смысле? Продажный, что ли? – решаю уточнить.

– Та не-е-е, – не поворачиваясь, лениво тянет забинтованный. – Всамделишный. Из нежити он...

Зевнув, мужик замолк, а я, переваривая свежую порцию откровений о городе и его обитателях, потопал в дальний конец коридора, где была моя койка. Понял вдруг, что на протяжении всей беседы внешность Алёхина не давала мне покоя. То-то его зубы показались чересчур острыми. И сильные пальцы с длинными ногтями, больше похожими на когти...

Только сев на свою кровать, вспомнил, зачем ходил к доктору. Ну, не возвращаться же теперь, в самом-то деле. Эх, убрать бы к чёртовой бабушке этот проклятый щит из-под матрасов. Одному-то мне вряд ли справиться.

С надеждой глянул на соседа. Тот спал. Рука у него вся в бинте от подмышки до кисти. Левая, как и у меня. Вдвоём, возможно, мы щит и вытянем. Подожду, пока проснётся.

Деревяшка подо мной слегка накренилась.

Повернув голову, обнаружил рядом с собою моего ночного визитёра. Этого, как бишь его... Чепушило, вот.

– Проблемы? – спросил тот, почёсывая бороду.

– Нет... То есть да. Помоги щит с кровати снять.

– Зачем?

– Спина болит.

– Хм, – Чепушило призадумался. – Боюсь, что Степановна не одобрит.

– Почему это?

– У тебя ж перелом? Перелом. А с такими болячками жёсткая постель полагается. Степановна в этом деле толк знает. О пациентах заботится. И я тоже.

– Если вы все такие заботливые, сделайте, чтобы у меня спина не болела.

– Как же я это сделаю? – домовый развёл пухлыми ладошками.

– Щит убери. Спина же из-за него болит.

– Да пожалуйста, – Чепушило щёлкнул пальцами, и кровать тут же просела. Щит просто исчез. А домовый сказал с гордым видом: – Всё заради блага пациента...

Визит к Минотавру

Смыться, несмотря ни на что, я всё-таки попробовал. Надо же проверить правдиво ли то, в чём тебя так настойчиво пытаются убедить. Но бежать на голодный желудок как минимум глупо. Поэтому побег отложил до «после завтрака».

На завтрак давали слипшуюся рисовую кашу и до безобразия прозрачный чай. Мало того, что в нём практически не было сахара, так ещё и заварку пожалели. Совсем, видимо, дела здесь плохи. Ладно, хоть на кипятке не стали экономить.

Ели в три смены. Столовая, не рассчитанная на столь большое количество едоков, не могла вместить всех одновременно. Поэтому моя подготовка к побегу немного затянулась.

Я съел всё. С армии не привык разбрасываться едой, когда не знаешь, удастся ли сегодня ещё чем-нибудь перекусить. Кое-как, орудуя правой рукой, переделся в свои шмотки, которые не успел сдать в гардероб. Они были сырые и неприятно холодили тело, зато не заперли. Ничего, на мне высохнут. И денёк нынче выдался на удивление солнечный.

Бог знает, с какой по счёту попытке застегнул молнию на ветровке. Пустой левый рукав запахал манжетой в боковой карман. Так, не забыть документы. Ну, теперь, вроде бы, всё...

– Куды ж ты собрался, касатик?

В дверях стояла Клавдия Степановна, держа небольшую ванночку, в которой на куске марли были разложены разные таблетки.

Не успел я придумать ответ, как из-за её спины появился ММ. Изучив мой внешний вид, он спокойно спросил:

– Уже покидаете нас, мил человек?

– Да, доктор, – не зная, что сказать, я смущённо, будто пойманный «на горячем» нахулиганивший подросток, раскладывал пижаму на кровати.

Получилось, будто лежал здесь кто-то и пропал, а одежда, как была на нём, так и осталась пустая. Глядя на неё, поймал в голове несколько сумбурных мыслей. Полная чепуха, но всё же озвучил:

– Я исчез. Видите? – показал на пижаму.

– Да как же?.. – пожилая медсестра в удивлении захлопала жиденькими ресницами. – А лекарства?

Кто о чём... Доктор же обронил небрежно:

– Ну-ну. До скорой встречи.

Нет, надо валить из этого дурдома.

На автовокзал. Срочно. И домой. Первым же рейсом.

Там отлежусь, встану на ноги. Если надо, буду ходить на перевязки в родную поликлинику или в больницу. А то и вообще в госпиталь слягу. Мне как ветерану положено. Сейчас главное – это добраться.

Никто не пытался меня удержать. Прохожие подсказали, как выйти к автовокзалу. На моё счастье на площади стоял автобус, который скоро должен был отправиться в попутном направлении. Купив билет, я занял своё место, и совсем уж было успокоился.

Расслабляться, как выяснилось, не стоило...

На выезде из города мы пробили колесо. Автобус, виляя, сбросил скорость и встал на обочине. Чертыхаясь, водитель полез доставать домкрат и запаску, а пассажиры высыпали на дорогу. Кто покурить, кто сбегать в кусты.

– Петька! Далеко не уходи! Делай свои дела и возвращайся быстрее! – крикнула молодая мамаша сыну лет десяти, уже ломившемуся сквозь придорожные заросли.

Она с явной тревогой смотрела в сторону леса и нервно затягивалась дымом тонкой сигареты. Вдруг буркнула под нос:

– Пипец! Угораздило же тут встать.

Я не удержался, спросил:

– А в чём, собственно, дело?

Дамочка окинула меня изучающим взглядом, немного дольше задержав его на пустом рукаве. Махнув двумя пальчиками, в которых сжимала почти докуренную сигаретку, на выпуклость под моей ветровкой, саркастически произнесла:

– Сами, что ль, не догадываетесь? Логово Бармаглота недалеко. Вон в том лесочке.

– И что?

– Как что! У нас уже полгорода невыездные или в травме лежат. Не хватало и нам с Петькой... Петя! Иди сюда!

Бросив окурки, она решительно пошла в сторону кустов.

Город сумасшедших.

Что это за Бармаглот такой, который держит в страхе весь Артёмовск? Даже интересно стало.

Стоп! Остановись, Хайдаров! Никакого любопытства. Ты едешь домой и точка!

Поворачиваюсь к автобусу...

Опа! Автобуса-то и нет. Подевался куда-то вместе со всеми пассажирами, водителем и дорогой впридачу. Торчу один посреди бескрайнего леса. Но как? Лес же был метрах в пятидесяти от шоссе!

Резкий разворот.

Передо мной двухэтажный домина из брёвен. Терем в старорусском стиле. Добротный сруб, резные наличники на окнах, даже конёк на высокой двускатной крыше.

Это что, и есть пресловутая Бармаглотова усадьба?

Гиблое место, если верить Михалычу с Алёхиным. Многие артёмовцы пытались проникнуть сюда, чтобы найти причину свалившихся им на головы несчастий. Кто бесследно сгинул, кто не дошёл, попав на больничную койку или прямоком на кладбище, а кого просто вышвырнуло к началу пути.

Странно. Не похоже, чтобы народ здесь бывал. Площадка перед домом заросла высокой травой. Тропинок нет, и лес кругом. Как сюда люди-то добираются? Как Я сюда попал?..

Скрипнув, чуть приоткрылась входная дверь. Качнулась взад-вперёд, словно подзывая. Мистика, не иначе!

А почему бы не заглянуть, раз уж я здесь? Что там говорил ММ?

– ... Поверьте, мил человек, никто не собирается вас неволить. Боже упаси! Просто исполните одну маленькую просьбочку... Коль скоро ваша дорожка из Артёмовска лежит через небезызвестную нам усадьбу, и вы рано или поздно обязательно в ней окажетесь, будьте так любезны, найдите Бармаглота. Поговорите с ним, если удастся. Выясните, что происходит. Не смею требовать от вас повлиять каким-то способом на ситуацию, но если вдруг посчастливится, и вам выпадет такой шанец...

Интересно, как он это себе представляет? Никто из местных, значит, не смог, а я, приезжий, совершенно случайный здесь человек, возьму и сразу во всём разберусь. Бред сивой кобылы.

Впрочем, делать нечего, и я направился к приветливо помахивающей мне двери.

Когда с громким стуком она захлопнулась за спиной, я даже не вздрогнул. Наверное, ждал чего-то подобного.

Стало темно.

Немного постояв, пока глаза не привыкли к полумраку, осторожно пошёл вперёд.

Где-то наверху брезжил тусклый свет. Похоже, там окно. Что до прихожки, то в ней окна либо заколочены, либо строители не предусмотрели. Насчёт электричества не уверен, есть ли оно вообще. Знать бы ещё, где выключатели, а то искать их в потёмках себе дороже.

Прямо перед собой нашарил широкую лестницу на второй этаж. Перила толстые, гладкие, квадратной формы. Не пойму наощупь, камень это или дерево. А может пластик?

Держусь за них, осторожно пробуя подошвами на прочность каждую ступень, прежде чем поставить ногу и подняться.

Показалось, что свет мигнул, будто на мгновение перекрыл его кто-то своей тенью. Я замер, напрягая зрение.

Ничего. Воображение шалит? Глюков мне только не хватало.

Иду дальше.

На площадке второго этажа кое-что уже можно разглядеть. В дальней комнате пустой дверной проём, из которого сюда и попадает рассеянный дневной свет. Другие комнаты по обе стороны стоят с плотно закрытыми дверями. Подёргав ближайшие, понимаю, что все они заперты. Скорее всего, мне надо в ту, дальнюю.

Скрипят половицы. Пахнет затхлостью и влагой. Всё в паутине и клочьях пыли. Странно. А снаружи дом выглядит почти новым. Только двор зарос.

Оставалось пройти пару шагов до светлого прямоугольника на полу, когда на него вдруг напозла длинная тень. Через мгновение в коридор выкатился всклокоченный меховой шар величиной чуть больше детского надувного мяча.

– Стой, стой, стой! – заверещало это создание, размахивая тонкими руками.

Я увидел его большие глаза, кончик носа и даже губы. Наверняка они толстые, просто прячутся под волосами, покрывающими всё лицо, и оттого едва заметны. Если бы заросший

мяч помалкивал, чёрта с два я бы разобрался, есть ли вообще у него рот, который и не думал закрываться:

– Сюда нельзя. Запретная зона. Охраняемый объект. Карантин. Режимное учреждение. Электронная проходная. Пропускной режим...

– У меня пропуск, – прерываю этот нескончаемый поток, цепляясь за последнюю фразу.

– Предъяви! – немедленно потребовало существо.

Достаю паспорт, показывая ламинированную страницу.

Глаза лохматого вытягиваются, словно антенны с шариками на концах, и внимательно изучают моё фото, придирчиво сравнивая с оригиналом.

– Это не пропуск, – отрезает категорически.

– Как же не пропуск! – возмущаюсь почти правдиво. Постукиваю пальцем по фотке: – Кто это? Я?

– Ты, – соглашается, не моргнув ни единым вытянутым глазом. И тут же опять возражения: – Не написано, что требуется пропустить.

Вот ведь бюрократ попался! Ещё и читать умеет.

Перелистав страницы до штампа регистрации, тычу им в «антенны»:

– Адрес видишь?

– И что?

– Ничего! Домой иду. Дорогу покажи!

Не ожидал получить положительный ответ, но существо вдруг втянуло глаза и простёрло руку в сторону проёма, из которого выкатилось.

– Так бы сразу и сказал, – прячу паспорт в карман и прохожу в комнату, нагло игнорируя лохматого.

Он молча провожает меня взглядом. Уже перешагнув порог, слышу вдогонку:

– О, бойся Бармаглота... Бойся... Он так свиреп и дик...

Не шар, а ходячий цитатник.

Обернувшись, я никого не увидел. На месте проёма была сплошная стена, оклеенная старыми пожелтевшими обоями.

Лицом к лицу

Нет, это не комната. Ещё один длинный коридор. По левой стене редко расположенные стрельчатые окна. По правой – ряд закрытых дверей. Лишь одна распахнута, опять в самом конце коридора. Неужели, там очередная галерея? Всё может быть. Дом хоть и выглядел снаружи явно меньше, но чем чёрт не шутит.

Двигаюсь вдоль комнат (если это комнаты), дёргаю дверные ручки, несколько не удивляясь, что все двери заперты. Их много, и вскоре бесполезное дёрганье надоедает. А на улице что, по-прежнему непроглядный лес? Подхожу к ближайшему окошку...

Леса как не бывало!

Внизу круглая мощёная площадь с фонтаном в центре – каменная русалка сидит на хвосте и грациозно выливает из кувшина тихо журчащую воду. Вокруг площади разбит ухоженный сад. Деревья и кустарники стараниями заботливого садовника, виртуозно владеющего ножницами, превращены в стилизованные фигурки животных: слон, жираф, носорог... Даже гигантская черепаха имеется.

Это что, двор? Несказанная роскошь по сравнению с фасадом. И, похоже, почва здесь гораздо ниже. словно с третьего этажа выглядываю, а не со второго.

– ...Ты с ума сошел, Барм! – вдруг долетает до меня из конца коридора приглушённый расстоянием голос.

Дальше слышится непонятное бормотание.

Спешу к единственному открытому входу. Через него попадаю в просторный круглый зал с огромным камином. Здесь вдоль стен расставлены полки с книгами, достающие до самого потолка. Между ними с подоконников непривычно высоких окон свисают гобелены. Что там изображено, не разглядывал – не до того. Из прочей мебели только небольшой квадратный столик из тёмного дерева, на резных ножках, и два широких кресла с высокими спинками. На них яркая, оранжево-красная обивка, подстать пляшущему на поленьях огню в камине.

Между кресел, заложив руки за спину, энергично вышагивает взад-вперёд немолодой мужчина в странного вида одежде. Седые волосы, глубокая лобная залысина, припухшие глаза в обрамлении густых морщин. Круглое лицо с обвислыми щеками, начинающий расти живот и второй подбородок.

Рубашка... Ну, не знаю. Больше напоминает женскую блузу: обтягивающая, синяя, вся в блёстках, с белым пышным жабо на груди, словно у заносчивого петуха. На шее голубой платок, сколотый сияющей брошью (подозреваю, что с брюликом). Узкие, под фасон рубахи, штаны – тоже синие, заправленные в однотонные ботфорты.

Каждый стук каблучков сопровождался характерным звоном. Опустив глаза, я с изумлением увидел шпоры на сапогах пожилого.

– Встряхнись, рохля! – он порывисто заглянул в одно из кресел, вцепившись пальцами в спинку, безжалостно смяв оранжевую материю. – Соберись, в конце концов! Поднимайся! Живи!

– Отстань, – донёсся растянуто-ленивый голос из глубины кресла. – Уйди, не мешай...

– Чему я мешаю? Твоему безделью? Скажи, чем таким важным ты занят? Я отстану, если соглашусь, что твоё «занятие» действительно имеет смысл!

– Ой, не ори, пожалуйста, – вздохнул собеседник. – Не видишь? Я размышляю.

– Над чем?

– Если хочешь, то над смыслом бытия...

– Простите, что вмешиваюсь! – говорю так громко, что даже своё повторяющееся эхо слышу. – Мне бы домой попасть!

Седой удивлённо поворачивается. Теперь я вижу и его собеседника, который, опёршись о подлокотник, выглядывает из-за спинки кресла. Внешностью один в один с первым, как брат-близнец. Только выражение лица другое – скучающее, без тени заинтересованности.

– Ага! – тычет в меня пальцем тот, который на ногах. – Вот они, последствия твоей хандры. Шляются по дому все, кому не лень. Уже однорукие уроды полезли!

Этим же пальцем, не глядя, он сделал какой-то быстрый зачёркивающий жест и плюнул в мою сторону. Вообще обнаглел! Ни здрасте, ни до свидания, сразу плевать.

– Оставь его, Глот, – безразлично бросил сидящий в кресле. – Твои ужимки здесь не сработают. Это обычный человек с поврежденной рукой, только и всего.

– Тем более! Как он сюда попал?

– На нём Печать. Неужели не видишь?

– Да? И где же он её подцепил?

– Спроси у него сам, – второй собеседник слабо махнул рукой и снова скрылся, откинувшись на спинку.

Да эти стариканы ни во что меня не ставят.

– Эй! – кричу возмущённо. – Я, кажется, спросил кое о чём!

Теперь в мою сторону смотрят заинтересованно. Правда, лишь одна пара глаз.

– Ба-а-арм, – вкрадчиво позвал Глот своего двойника, продолжая буравить меня взглядом. – Это ТВОЯ Печать.

– Ах, оставь...

– Ты как Тоскунов-то миновал?

О, снизошли до общения со мной. Надо же, какая честь!

А Тоскуны – это что ещё за звери?

Похоже, мой вопрос был написан у меня на лице, поскольку Глот соизволил пояснить:

– Такие маленькие, лохматые, приставучие...

А, вот он о чём. Только почему во множественном числе?

– Видел одного на входе в этот коридор, – показываю за спину. – Симпатичный парень.

Он меня пропустил.

– Вот как? Барм, ты это слышал?

– Пусть пройдёт, – прогудели из кресла, и Глот махнул мне, повторив приглашение.

На меня глазели две совершенно не отличимые друг от друга физиономии. Так и хочется сказать: «Двое из ларца, одинаковы с лица». Только первый смотрел заинтересованно, и всё время ходил вокруг, разглядывая с разных сторон, а второй по-прежнему оставался в кресле, не выказывая никакого интереса. И одет был много проще – в длинный домашний халат да стоптанные шлёпанцы.

– Только посмотри на него, Барм, – с восхищением бормотал энергичный близнец. – Так запросто взял и проник в наш дом. С твоей половины, между прочим. Где твои ловушки, отвороты, уводы? Что, ни один оберег не сработал? Кого следующего ждать? Армию упырей или толпу чёрных адептов?.. А вы, собственно, кем будете, уважаемый?

Последний вопрос адресовали мне.

– Хайдаров Дмитрий... – поколебался, думая нужно ли называть отчество.

Решил, что не стоит. Старики всё-таки. Чего им со мной-то по отчеству разговаривать?

– Нууу?.. – подбодрил Глот, требуя продолжения. – Рассказывайте, Дмитрий, рассказывайте. Чем занимаетесь? Что вас привело к нам? Как в доме очутились?

Пришлось пуститься в долгое, пространное описание событий, произошедших со мной с момента аварии. Не думал, что за пару дней их накопится столько, что я устану говорить.

– Выходит, без вашей помощи мне домой не попасть, – подвожу итог, разводя здоровой рукой. – Буду всё время появляться здесь. А кто из вас Бармаглот?

Секундная пауза, после которой Глот заходится громким заливистым смехом.

– Как вы сказали, «Бармаглот»?.. Ха-ха-ха!.. Ну, надо же! Ну, люди!.. Хе-хе-хе...

Даже всегда угрюмый Барм слабо улыбнулся, и я, не выдержав, хохотнул пару раз.

Отсмеявшись, Глот выдохнул, словно бегун после финиша:

– О-о-ох... Повеселили, Дмитрий. Это ж надо, Бармаглотом нас обозвать. Слышь, Барм?

Мы с тобой Бармаглоты.

До меня, наконец, дошло. Барм и Глот – вместе Бармаглот. Одним именем окрестили сразу двух магов. Магов? Ну, да. Кем ещё могут быть эти странные старикашки, живущие в не менее странном поместье.

– Да вы присаживайтесь, Дмитрий, – Глот любезно предложил мне свободное кресло. – Не каждый день к нам такие гости заходят.

Не заставив себя ждать, я опустился на мягкую обивку, едва в ней не утонув. Попробовал расслабиться, но спина неудобно согнулась, а сломанная ключица тут же напомнила о себе острой болью. Пришлось пересесть на самый край и держаться ровно, будто всунутая в шандал свеча.

– Так вы мне можете? – спросил я, не зная к кому конкретно обращаться.

Мельком глянув на безучастного Барму, который отрешённо смотрел на огонь в камине, Глот разочарованно вздохнул:

– Видите ли, Дмитрий, беда в том, что вы появились из той части здания, за которую отвечает мой разлюбленный братец. Не скажете, кстати, как она вам показалась?

Вот же блин! Что ему ответить? Скажешь правду – чего доброго, обидится, тогда никакой помощи не жди. А врать что-то не больно хотелось.

– Ну, постройка хорошая, надёжная, – начал я осторожно, наблюдая за реакцией собеседника. Он стоял напротив меня и внимательно слушал, сложив руки на груди и чуть склонив голову набок. – Просторно, площадь приличная. Планировка неплохая. Только запущено малость, а так...

– Не малость, уважаемый. Далеко не малость, а самая настоящая многость! Этот бездельник, – указательный палец в сторону брата, – совсем забросил хозяйство. У него, видите ли, апатия. Кризис, так сказать, среднего возраста. Да у нас, между прочим, возраст одинаковый. Я же не впадаю в меланхолию, сто демонов ему в глотку!

– Тебе бы столько разочарований, что выпали на мою долю, – вяло обронил брат, не поворачивая головы и не меняя расслабленной позы.

– И в чём это ты разочаровался, позволь узнать?

– Во всём, – Барм, наконец, перевёл взгляд на Глота. – Главным образом в людях.

– Они-то чем тебе насолили?

– Они эгоистичны и тщеславны. Они вобрали в себя все пороки, какие только есть на свете. Им нет дела до кого-то другого. Всё, что делают эти существа, продиктовано лишь одним – удовлетворением собственных потребностей. Чего стоят их желания! Богатство, успех, вечная молодость... И только себе. Ничегошеньки ради кого-то другого.

– Можно подумать, ты не для себя стараешься, – хмыкнул Глот.

– А для кого? Я людям помочь пытался.

– Это твоя цель?

– Была до недавнего времени.

– Получается, ты хотел творить добро для людей. Отсюда и напрашивается вывод, что делал ты это, братец, чтобы удовлетворить свои желания.

– Какие желания? – холодно спросил Барм, хмуря седые брови.

Впервые за весь разговор я увидел хоть какую-то тень эмоции на его лице.

– Сам признался, что хотел помогать людям. Никто тебя за язык не тянул, – тем же непринуждённым тоном продолжал разглагольствовать Глот. – И что, ты им помогал?.. Помогал, помогал. Теперь уж отпираться бесполезно. Вот и выходит, что ты такой же эгоист, как и они...

Барм покраснел, вскочил вдруг с кресла и затопал ногами. В шлёпанцах это выглядело комично.

– Ты ничего не понимаешь! – неистово взревел он. – Я не для себя стараюсь, а для других. Это они больше ни о ком не думают. Никого ни во что не ставят. И не верят ни в кого кроме себя!

Бог мой, и это спокойный Барм, который тихонько посиживал в креслице и ни на что не реагировал? Сейчас в нём клокотали те самые сто демонов, которых брат грозился забить ему в глотку.

– Вот! – обе руки Барма устремились ко мне. Я не успел даже отшатнуться, когда он оказался рядом, держа меня за плечи. – Вы... Как вас... Дмитрий! Чего бы вы хотели?

Станный вопрос, если не сказать больше. Он что, глухой? Вообще-то я своё желание озвучил в самом начале. И ещё не раз возвращался к нему после.

– Домой попасть, – повторяю нетерпеливо, чувствуя, как под сильными пальцами мага ноет моя многострадальная ключица. Тут же начинаю жалеть, что заикнулся на таком простецком желании. Это ведь маги, которым подвластно всё! Попросить чего-нибудь большего? А что я, собственно, теряю? – Впрочем, если хорошенько подумать...

– Ага! Что я говорил! – торжествующе вопит Барм, поворачиваясь к брату. – Они эгоисты. Всё о себе да о себе!..

– Минуточку! – не сдерживаюсь, чтобы не возразить. – А благодаря кому я получил эту вашу Печать? Меня кто-нибудь спрашивал, нужна ли она мне? Да не будь её, я бы давно был дома. Сдалась мне халупа ваша, в такую даль переться!

– Молодец! – поддержал меня Глот. – Что, братишка, уел тебя Димитрий? Ответь ему, если сможешь, человеконенавистник ты наш.

– И ответчу, не сомневайся, – и ко мне: – Печать не даётся, кому ни попадя. Она избирательна, чтоб вы знали. Если в её поле действия окажется тот, кому необходима помощь, тогда сработает. Не окажется – следующего подождёт. Коль среагировала на ваше появление, значит, чего-то вам не хватает. И это что-то вы очень сильно хотите заполучить. Верно я говорю?

Выходит, я сам на себя беду накликать? Охренеть!..

Набравшись наглости, огрызаюсь:

– Может, и хочу, но уж точно не от вас. Как-нибудь разобрался бы сам. Привык, знаете ли, обходиться собственными силами, не особо надеясь на какого-то там дядю. Так что Печать ваша дурацкая мне и даром не нужна. И вообще, какого рожна эта штука в засаде сидит и проштамповывает всех, кого ни попадя? Где свобода выбора, свобода воли? Может, людям опека ваша поперёк горла. Представляете, какую опасность она создаёт? Вы одного меня лишили автомобиля и частично здоровья. А сколько народа покалечилось или вовсе убилось из-за вас, не считали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.